

ХУЯНЬ ЮНЬ

МАНЕВР
ПУСТОГО ГОРОДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.581-312.4
ББК 84(5Кит)-44
Х 98

呼延云 著
空城计

Original published in Simplified Chinese by New Star Press Co., Ltd in 2022,

This Russian translation edition is arranged through Nova Littera LLC
and Gending Rights Agency (<http://gending.online/>).

Серия «Митань-триллер.
Расследования из Поднебесной»

Перевод с китайского *Надежды Яковлевой*
Оформление обложки *Екатерины Климовой*

Хуянь, Юнь

Х 98 Маневр пустого города: [роман] / Хуянь Юнь; —
[перевод с китайского Н. Яковлевой]. — Москва: Из-
дательство АСТ, 2026. — 608 с. — (Митань-триллер.
Расследования из Поднебесной).

ISBN 978-5-17-163463-6

В старом районе Пинчжоу завершился масштабный переезд: детскую больницу перевели в новый район, оставив в опустевшем городе лишь отделение неотложной помощи.

В канун новогодних торжеств происходит трагедия — автобус с основным составом врачей срывается с моста в ледяную реку. Выживших нет.

Руководство отделением срочно поручают Чжоу Юнь — заведующей, недавно отстраненной от должности. С несколькими оставшимися сотрудниками она берет на себя работу в условиях острой нехватки людей и ресурсов, пытаясь справиться с непрекращающимся потоком пациентов.

Но вскоре ситуация выходит из-под контроля: в городе происходит серия нападений на детей. Пострадавших одного за другим доставляют в больницу, и приемное отделение становится центром нарастающего хаоса. Личность преступника и его мотивы остаются неизвестными.

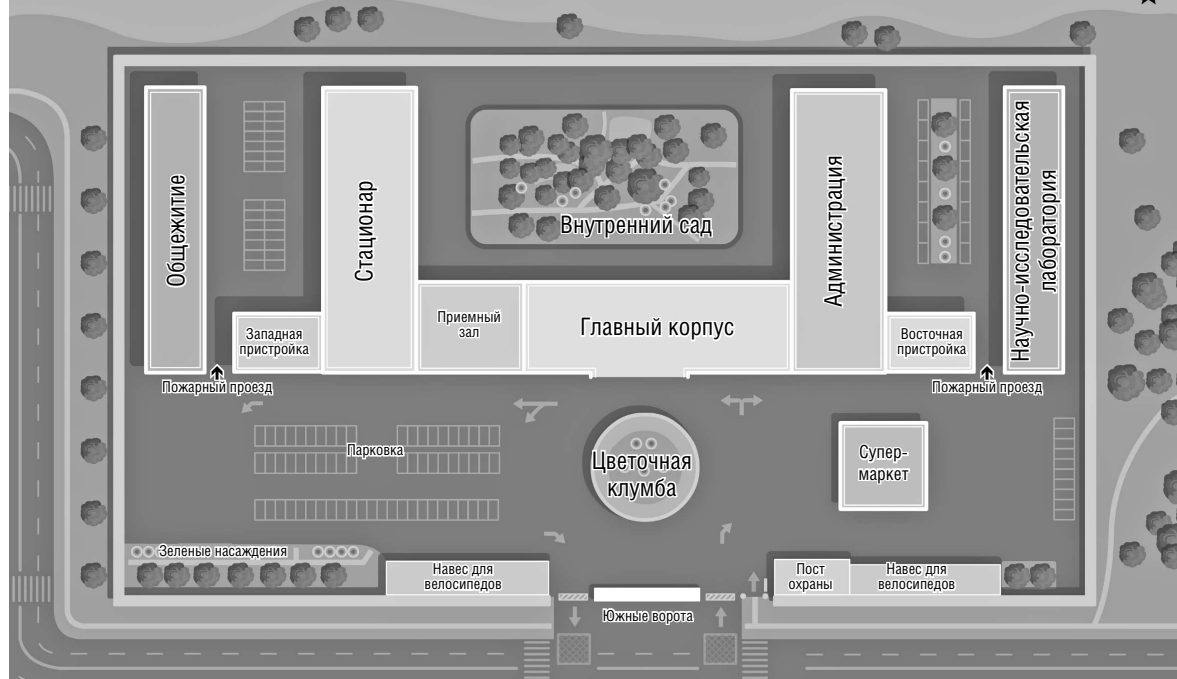
Чжоу Юнь и ее команда оказываются последней линией защиты для тех, кто не может защитить себя сам. И пока больница утопает в потоке пострадавших, становится ясно: кто-то целенаправленно превращает ее в поле боя.

УДК 821.581-312.4
ББК 84(5Кит)-44

ISBN 978-5-17-163463-6

© Яковлева Н., перевод, 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2026

р. Далинхэ

ПРОЛОГ

Спектакль закончился. Зрители небольшими группами покидали Большой оперный театр Чанъань. Богато украшенное роскошное фойе ненадолго наполнилось звуками разговоров и смеха, а затем снова погрузилось в тишину.

Спустя долгое время в коридоре послышались шаги.

Хуянь Юнь, позевывая и потирая заспанные глаза, на заплетающихся ногах спустился по лестнице вслед за Линь Сянмином. Когда двери театра перед ними распахнулись, Хуянь Юнь вздрогнул от внезапного порыва ледяного ветра, ударившего ему прямо в лицо. Подняв глаза, он обнаружил, что за то время, пока они были в театре, пошел сильный снег — снежинки медленно кружились в воздухе, и весь город казался затерянным в бескрайней снежной пустыне.

Линь Сянмин, взглянув на это, только потуже замотал вокруг шеи светлый шарф и пошел вперед. Хуянь Юнь надел шапку на птичьем пуху, застегнул молнию куртки до самого подбородка и, засунув руки в карманы, нахохлившись, последовал за ним.

Станция метро «Цзянгомэнь» была совсем недалеко к востоку, однако Линь Сянмин направился в противоположную сторону, похоже, не собираясь ни воспользоваться общественным транспортом, ни вызвать такси. Хуянь Юнь понял, что его друг хочет прогуляться этой снежной ночью по проспекту Чанъань. Оставалось только пойти следом. Снег уже укрыл землю плотным слоем, и, пройдя несколько шагов, Хуянь Юнь

Хуянь Юнь

поскользнулся; к счастью, Линь Сянмин вовремя подхватил его, а то бы он точно шлепнулся задницей на тротуар.

Линь Сянмин не смог сдержать искренней улыбки.

— У тебя еще хватает наглости смеяться! — пробурчал Хуянь Юнь, — не мог придумать ничего получше, чем посреди ночи потащить меня смотреть оперу. Не знаешь, что ли, я с детства не переносу вот эти все протяжные рулады: «И-и-и-и — Я-я-я-я-я...»

— Пекинская опера и правда исполняется в довольно медленном темпе, но, несмотря на это, мне нравится, — с легкой улыбкой произнес Линь Сянмин. — Больше всего я люблю «Маневр пустого города»¹, готов слушать снова и снова. — И он вдруг начал напевать: — «Смотрю на простор со стены городской, слышу трепет знамен на ветру, топот копыт, вздымающих пыли клубы, — это войско несметное ведет Сыма И...»

На проспекте Чанъянь они были совершенно одни — ни людей, ни машин вокруг. Линь Сянмин напевал очень тихо, его голос едва ли звучал громче, чем шелест падающего снега. Казалось, звуки плывут в воздухе, такие же чарующие и неуловимые, как снежинки, подхваченные ветром.

Двое друзей не спеша шли, беседуя на ходу. Вспомнили о той девушке, которую как-то вместе спасли, когда учились в средней школе, — теперь она стала звездой Университета полиции;

¹ Опера, сюжетом для которой послужил эпизод из классического китайского романа «Троецарствие», в котором прославленный мудрец и стратег царства Шу, Чжугэ Лян, оказывается в городе-крепости Сичэн с небольшим гарнизоном, окруженный многотысячной армией вэйского полководца Сыма И. Не имея никакой возможности выиграть сражение, Чжугэ Лян решает пойти на хитрость: он открывает городские ворота, приказывает солдатам переодеться горожанами и подметать улицы, а сам, облачившись в нарядное платье, поднимается на городскую стену, воскуривает благовония и играет на цине. Когда умудренный опытом Сыма И подходит к Сичэну, видит «пустой город» с распахнутыми воротами и беззаботного Чжугэ Ляна, он не решается войти, полагая, что Чжугэ Лян хочет заманить его в ловушку и внутри ждет засада, и поэтому отступает. Таким образом Чжугэ Лян выигрывает время и успевает покинуть Сичэн вместе с воинами и провиантом. — *Прим. пер.*

Маневр пустого города

обсудили тот разговор, который состоялся, когда Хуань Юнь вызвал к себе декан факультета из-за выпущенного им журнала; поговорили о планах Линь Сянмина уехать учиться в США после окончания университета и даже о недавнем деле загадочного серийного убийцы в западном пригороде... Они прошли мимо высотки Чжунфан, мимо торгового центра «Дунфан Синьтяньди», мимо «золотой улицы» Ванфуцзин, мимо отеля «Пекин». Снегопад словно бы очистил огромный город, в котором, как сейчас казалось, не было никаких признаков существования людей, кроме следов, оставляемых бредущими плечом к плечу друзьями.

В конце концов они заговорили о сегодняшней опере. Хуань Юнь, знавший Линь Сянмина как человека, прекрасно разбирающегося в новых веяниях, был удивлен его глубокими познаниями в истории пьесы «Маневр пустого города»:

— Четверо великих суйшэнов¹ исполняли партию Чжугэ Ляна, но манера их пения сильно различалась. Вот если взять арию «Смотрю на простор...», голос Тань Фуина ясный, мощный и чистый; Ма Ляньляна — изысканный и звучный, а манера исполнения свободная и непринужденная; голос Ян Баосэня — классическая простота, но в ней есть и страсть; голос Си Сяобо очень мягок и нежен, пугающе красив...

— А тебе кто из них больше нравится?

— Мне... мне, пожалуй, ближе всех манера Ян Баосэня.

— Но скажи наконец, я так и не понял. Ты говоришь, что не фанат пекинской оперы, но чем тебе так нравится именно эта пьеса? — в недоумении спросил Хуань Юнь.

Линь Сянмин улыбнулся:

— Мне нравится ее сюжет.

— Сюжет? И что такого в этом сюжете?

— В окружении войск противника, значительно превосходящих числом, в такой опасный момент, на краю гибели, только благодаря невиданной отваге и мудрости переломить ход

¹ Мужское амплуа в пекинской опере. Герой среднего или пожилого возраста обязательно носит бороду. — *Прим. пер.*

Хуянь Юнь

событий, сделав невозможное, и в итоге превратить поражение в победу!

Хуянь Юнь глубоко вздохнул:

— Похоже просто на желание погеройствовать. Вот станешь полицейским, будет и у тебя таких возможностей хоть отбавляй.

Линь Сянмин печально улыбнулся, как обычно улыбаются люди, взгляды которых не встретили понимания.

Он медленно запрокинул голову и устремил взгляд вверх, внимательно наблюдая за кружением снежных хлопьев, которые, опускаясь ему на волосы, словно покрывали голову сединой. Вдали, на фоне черного неба, открытые всем стихиям, бесконечно терзаемые ветром и снегом, возвышались ворота Чжэнъянмэнь.

Действие первое

ОКРУЖЕННЫЙ ГОРОД

*Смотрю на простор со стены городской,
слышу трепет знамен на ветру,
топот копыт, вздымающих пыли клубы, —
это войско несметное ведет Сыма И...¹*

1

— Доктор, вы уж посмотрите, что же такое с нашим ребенком? Лекарства пили, уколы кололи, в больницу уже туда-сюда сто раз ездили. Дорога из нашей деревни до города плохая ужасно, автобус ходит только утром раз и вечером раз. Коли ее утром прихватит до крика, а автобус уже ушел, приходится на попутке ехать, а вы ж понимаете, что это не бесплатно, а если раскричится вечером, то тут уж остается только терпеть, а маленькая девочка же не может терпеть, плачет, кричит всю ночь, до того уже дошло, что брат спать не может, наутро в школе не соображает ничего. Сегодня после обеда опять прихватило, мы сначала думали, оно как-нибудь само пройдет, но никак не проходит, аж по полу катается, пришлось упрашивать, чтобы на машине стройотряда нас до города отвезли, уж придется мне их потом отблагодарить куревом да выпивкой... Вы уж,

¹ Ария Чжугэ Ляна из оперы «Маневр пустого города». — *Прим.пер.*

Хуянь Юнь

доктор, посмотрите, может, лекарство есть какое, чтобы принять — и все поправилось, а то нам еще на вечерний автобус надо успеть...

У этой женщины было обветренное покрасневшее лицо, в ее плаксивом голосе звучало больше усталости и беспомощности, чем беспокойства за дочь. В словах очень многих родителей, приехавших с больными детьми из деревень, постоянно слышалось это желание снять с себя всю ответственность, словно бы своего ребенка с самого его рождения они воспринимали исключительно как наказание и обузу. Особенно если это была девочка.

Врач отделения неотложной помощи Ху Лайшунь, шурша ручкой по бумаге, нацарапал несколько строчек в истории болезни, ни разу за все это время так и не подняв головы, чтобы взглянуть на мать или на дочь.

Стоявшая у него за спиной практикантка Да Нань тщательно записала жалобы матери в маленькую тетрадку, которую держала в руках. Она посмотрела на эту болтливую женщину, державшую на коленях ребенка — шестилетнюю девочку, чрезвычайно худую и маленькую, завернутую в красную ватную куртку. Из-под штанов, которые ей были длинноваты, выглядывали черные ватные ботинки с развязанными шнурками. Из-за сильной боли она скрючилась и обеими руками ухватилась за живот; лицо бледно-серое, как высохшая шкурка креветки.

Смотровая отделения неотложной помощи детской больницы города Пинчжоу представляла собой вытянутую в направлении с севера на юг комнату площадью около сорока метров. С северной стороны располагалась широкая белая двухстворчатая дверь, ведущая в приемный зал, а с южной — ряд больших старомодных окон из зеленого стекла, разделенных на квадраты. На подоконниках громоздились стопки бумаги для принтера, кислородные подушки, термосы, старые номера «Китайского журнала педиатрии», два горшка с давным-давно засохшими карликовыми яблонями, прямоугольный стеклянный аквариум, доверху забитый одноразовыми столовыми приборами. Все это было покрыто толстым слоем серой пыли. Под окном, вплотную

Маневр пустого города

к батарее центрального отопления — застеленная белой простыней медицинская кушетка, на ней стоят весы для младенцев. У восточного края южной стены расположился обшарпанный серый металлический шкаф, а у западного — вешалка для халатов. Если присмотреться к ней повнимательней, можно понять, что это переделанная стойка для капельницы, к которой приварили несколько железных прутьев.

В смотровой находились четыре стола для врачей и столько же черных круглых табуретов с мягкой обивкой, предназначенных для пациентов. Табуреты были закреплены при помощи железных цепей, тянувшихся от одной из ножек каждого к металлическому кольцу, возвышающемуся над полом. Это было сделано для того, чтобы в случае возникновения разногласий между врачом и пациентом табурет ненароком не стал орудием преступления в руках последнего. В четыре часа дня больных обычно немного, поэтому, считая Ху Лайшуня, в смотровой работали всего два врача. Несмотря на это, перед каждым столом все равно толпились родители с детьми, и как Да Нань ни уговаривала их подождать снаружи, никто не пожелал сдвинуться с места ни на шаг.

Прошел битый час, прежде чем Ху Лайшунь наконец перевел взгляд на экран компьютера, несколько раз кликнул мышкой, и стоящий рядом черный принтер со скрипом изверг из себя несколько страниц. По-прежнему не глядя на больную девочку и ее мать, врач равнодушно произнес:

— Анализ крови, кала, мочи, УЗИ органов брюшной полости.

Затем, прикрепив свежие бланки к истории болезни, он толкнул бумаги в направлении пациенток таким движением, как будто выталкивал из смотровой и их тоже.

— Доктор, мы в прошлые разы, как ездили в уездную больницу, все такие анализы уже делали, УЗИ тоже делали... — сказала женщина и протянула Ху Лайшуню бланки старых анализов, которые сжимала в руке, и пластиковую папку с рентгенографией грудной клетки.

— Если вы вчера поели, можно подумать, сегодня вам есть уже не захочется? — с раздражением спросил Ху Лайшунь.

Хуянь Юнь

— Но ведь... — Лицо матери маленькой пациентки густо покраснело. Она хотела что-то сказать, но умолкла на полуслове.

Еще на что-то надеясь, она сосредоточенно сидела без движения, думая: а вдруг, если подождать еще немного, врач смилостивится, назначит хотя бы на один анализ меньше — но за спиной уже нетерпеливо и шумно заседали другие родители. Мать беспомощно взяла со стола новые бланки и поднялась. Девочка соскользнула с ее колен и замерла, сидя на корточках, часто и тяжело дыша.

Глядя на других родителей, мать малышки пробормотала, как бы разговаривая сама с собой:

— Так много анализов, опять нужны деньги, а у меня нет с собой столько денег, — при этом она как-то странно улыбалась, будто бы оправдывалась перед всеми этими людьми. На полпути к выходу она хватилась девочки и увидела, что та все еще сидит, скорчившись, на полу. Матери пришлось вернуться и потянуть дочь за руку, но девочка не встала, а наоборот, подогнув ноги, села на пол.

— Ты что вытворяешь? — рассердилась мать, крепко ухватив дочку за тонкое запястье и потянув к выходу.

— Постойте! — раздался вдруг оклик у нее за спиной.

Мать обернулась. Перед ней была женщина-врач среднего роста, белый халат которой выглядел немного чище, чем у остальных. Нижнюю часть лица закрывала медицинская маска. Взгляд изящных глаз, напоминающих глаза красного феникса, под длинными тонкими бровями выдавал человека сведущего и опытного. Но, вероятно, из-за того, что она дежурила ночью или просто очень устала, белки ее глаз покрывала сеть ярко-алых прожилок, что добавляло взору строгости, и было непонятно, кто тому причиной — мать девочки или сидевший за столом позади Ху Лайшунь.

Мать, сжимавшая запястье дочери, невольно ослабила хватку.

Девочка, воспользовавшись этим, снова осела на пол. Женщина-врач подошла, склонилась к ней, двумя руками подхватила ее под мышки и, прижимая к себе, отнесла на кушетку.

Маневр пустого города

Убрала на подоконник весы для младенцев, она уложила ребенка, бережно поддерживая.

Хотя дыхание девочки все еще оставалось тяжелым, было похоже, что благодаря перемене позы она почувствовала облегчение и успокоилась.

Мать девочки, почувствовав, что взошла ее спасительная звезда, поспешила вслед за врачом и остановилась у кушетки. Врач взяла у нее из рук бланки анализов, отбросила в сторону новые и, внимательно глядя на результаты прошлых, спросила:

— Что ребенка обычно беспокоит?

— Живот.

— По данным УЗИ все органы брюшной полости без особенностей. В уездной больнице вам поставили диагноз глистная инвазия. Вы принимали лекарства, которые назначил врач?

— Принимали... — замявшись, тихо пробормотала мать

Врач, которая в этот момент закрепляла рентгеновскую пленку на LED-экране, обернулась и спросила:

— В чем дело?

— Мы не то лекарство принимали, какое доктор прописал, а принимали сантонин. Он был в медпункте в нашей деревне.

Сантонин — давно уже вышедший из употребления глистогонный препарат, однако его запасы еще сохранились в некоторых медучреждениях первичного звена. Препарат хранится и выдается бесплатно беднякам в случае необходимости. Очень многие медицинские работники знают об этом, но не в силах ничего изменить. Врач после некоторой паузы задала следующий вопрос:

— Глисты вышли?

— Вышел один, такой длинный, — мать малышки провела пальцами по воздуху, — вот только болеть стало еще сильнее.

— Понос, рвота, повышенная температура?

Мать отрицательно помотала головой.

— Ест как обычно? Кровь в стуле, запоры?

— С тех пор как заболела, ест меньше, чем раньше, запоры иногда бывают, крови не было.

Хуянь Юнь

В этот момент лежащая на кушетке девочка начала с силой дрыгать ногами, затем попыталась сесть, но попытка изменить позу вызвала острую боль, и малышка выпрямилась, оперевшись на локти. На лбу у нее выступили капли пота.

— Ты зачем садилась? — подхватив ее, спросила врач.

— Ботинки... — протянула девочка, показав на свои ноги.

Оказывается, она беспокоилась, что ее обувь может испачкать белую простыню на кушетке, и поэтому хотела снять ботинки.

— Села — вот и хорошо, тетя-доктор сейчас тебя послушает.

Врач попросила мать девочки расстегнуть одежду на ребенке, а сама захватила в ладонь головку фонендоскопа, чтобы немного согреть ее. Девочка заметила это движение, и в ее глазах, из-за чрезвычайной худобы казавшихся огромными, тут же блеснули слезы.

Врач ласково взглянула на ребенка и свободной рукой легко погладила его по плечу. Затем, приподняв на девочке жилетку, приложила головку фонендоскопа к ее спине и, попросив малышку глубоко вдохнуть и выдохнуть в такт ее движениям, несколько раз подняла и опустила руку. После этого она убрала фонендоскоп и помогла девочке лечь снова.

— Доктор, ну что же это за болезнь такая у ребенка? — спросила мать девочки. — Вы уж выпишите ей лекарство!

Большинство людей, размышляя о медицине, делают одну и ту же ошибку: они полагают, что поставить диагноз легко, а вот вылечить болезнь трудно. На самом же деле диагностика — совсем не так просто, как кажется многим, особенно в педиатрии. То, что дети не могут точно и правильно рассказать о симптомах, существенно затрудняет постановку диагноза, и поэтому педиатрию часто называют «немой дисциплиной». Несмотря на то что по мере развития медицины появляется все больше новых приборов и технологий, применяемых в клинической практике, по-прежнему часто причина болезни остается загадкой вплоть до момента, когда тело уже будет убрано с секционного стола.

Маневр пустого города

Врач оставила вопрос матери ребенка без ответа и перешла к обследованию живота девочки, мягко надавливая на разные места в поисках болезненных точек. В результате, за исключением зон около пупка и книзу от мечевидного отростка грудины, отзывавшихся легкой болью при пальпации, во всей брюшной полости не удалось обнаружить ни спазмов мускулатуры, ни необычных шумов внутри кишечника, ни участков непроходимости или заворотов, и симптомов раздражения брюшины тоже не было.

Если так, то что же это за болезнь? Результаты старых анализов подтверждали, что основные показатели крови, мочи и кала в норме. При рентгеновском обследовании грудной клетки и УЗИ живота тоже никаких отклонений не было выявлено. Единственное, на что следовало обратить внимание, — глистогонный препарат сантонин. Механизм действия сантонина заключался в стимуляции нервной системы паразитических червей, отчего их мышцы спазмировались, они больше не могли удерживаться в кишечнике и под действием перистальтики выходили наружу. Однако при использовании просроченного препарата или при недостаточной дозировке черви не только не выходили из организма, но и могли проникать в выводящие протоки желчного пузыря, поджелудочной железы, аппендикс или, спутываясь друг с другом в клубки большого размера, закупоривать кишечник, что, в свою очередь, приводило к усилению болей в животе.

Еще это могли быть заболевания желудка и двенадцатиперстной кишки. Рецидивирующие и длительные боли в эпигастриальной области на фоне снижения аппетита и потери веса нередко являются признаками патологий этих органов.

Или хронический панкреатит. Боль при пальпации области книзу от мечевидного отростка грудины является симптомом проблем с поджелудочной железой.

Но что же из этого, наконец?

Врач задумалась... Разумеется, есть вариант обследовать ребенка при помощи более точных методов на предмет всех перечисленных заболеваний — так, выполнив анализ кала на яйца